

Библиотека Всемирной Литературы

ОСКАР УАЙЛЬД

Портрет Дориана Грея.
Исповедь. Пьесы. Сказки

Оскар Уайльд

Кентервильское привидение

«Public Domain»

Уайльд О.

Кентервильское привидение / О. Уайльд — «Public Domain»,

© Уайльд О.

© Public Domain

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Оскар Уайльд

Кентервильское привидение

Правдивая мистическая история

Глава первая

Когда мистер Хайрем Б. Оутис, американский посланник, решил купить Кентервильский замок, все стали его уверять, что он совершает ужасную глупость: было достоверно известно, что в замке обитает привидение. Сам лорд Кентервиль, человек донельзя щепетильный, даже когда дело касалось пустяков, не преминул при составлении купчей предупредить об этом факте мистера Оутиса.

– Мы стараемся приезжать сюда как можно реже, – сказал лорд Кентервиль, – с тех самых пор, как с моей двоюродной бабкой, вдовствующей герцогиней Болтон, случился нервный припадок, от которого она так и не оправилась. Она переодевалась к обеду, как вдруг ей на плечи опустились две костлявые руки. Не скрою от вас, мистер Оутис, что привидение являлось и многим другим ныне здравствующим членам моей семьи. Его видел также наш приходский священник, преподобный Огастус Дэмпир, член совета Королевского колледжа в Кембридже. После этого неприятного случая с герцогиней вся младшая прислуга ушла от нас, а леди Кентервиль совсем лишилась сна: каждую ночь ей слышались какие-то непонятные шорохи, доносившиеся из коридора и библиотеки.

– Что ж, милорд, – ответил посланник, – я беру ваше привидение в комплекте с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть все, что можно купить за деньги. К тому же учтите – молодежь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или его показывали бы по всей стране в разъездном паноптикуме.

– Боюсь, Кентервильское привидение все же существует, – сказал, улыбаясь, лорд Кентервиль, – пусть даже оно и не соблазнилось предложениями ваших предприимчивых импресарио. О его существовании известно уже добрых три столетия, – а если быть точным, с тысяча пятьсот восемьдесят четвертого года, – и оно неизменно появляется незадолго до кончины кого-нибудь из членов нашей семьи.

– Ну, лорд Кентервиль, домашний врач тоже всегда появляется в этих случаях. Уверяю вас, сэр, никаких привидений не существует, и законы природы, я полагаю, для всех одни – даже для английской аристократии.

– Вы, американцы, еще так близки к природе! – отозвался лорд Кентервиль, видимо не совсем уразумев последнего замечания мистера Оутиса. – Что ж, если вас устраивает дом с привидением, то все в порядке. Только учтите, я вас предупреждал.

Несколько недель спустя была подписана купчая, и по окончании лондонского сезона посланник с семьей переехали в Кентервильский замок. Миссис Оутис, которая в свое время, еще под именем мисс Лукреции Р. Тэппен с 53-й Западной улицы, славилась в Нью-Йорке своей красотой, была теперь дамой средних лет, все еще весьма привлекательной, с красивыми глазами и великолепным профилем. Многие американки, покидая родину, напускают на себя вид хронических больных, считая это одним из признаков европейской утонченности, но миссис Оутис не совершала этой ошибки. Она отличалась прекрасным здоровьем и совершенно фантастическим избытком энергии. Право же, во многих отношениях ее трудно было отличить

от настоящей англичанки, и ее пример лишний раз подтверждал ту истину, что между нами и Америкой масса общего – то есть практически все, кроме, разумеется, языка.

Старший из ее сыновей, которому родители в порыве патриотизма дали имя Вашингтон, – о чем он никогда не переставал сожалеть, – был светловолосым молодым человеком довольно приятной наружности, готовившимся подвизаться на поприще американской дипломатии. Он обладал всеми данными для этой профессии, свидетельством чего был тот факт, что он три сезона подряд лихо отплясывал в ньюпортском¹ казино котильон,² неизменно выступая в первой, ведущей, паре, и даже в Лондоне заслужил репутацию превосходного танцора. У него были две слабости – гардении и генеалогия пэров, а во всем остальном он отличался удивительным здравомыслием.

Мисс Вирджинии Е. Оутис шел шестнадцатый год. Это была стройная, грациозная, как лань, девочка с большими, ясными голубыми глазами. Она прекрасно ездила верхом и однажды, уговорив старого лорда Билтона проскакать с ней два раза наперегонки вокруг Гайд-парка, первая оказалась у статуи Ахиллеса, обойдя лорда на своем пони на целых полтора корпуса, чем привела юного герцога Чеширского в такой восторг, что он немедленно сделал ей предложение, а вечером того же дня, весь в слезах, был отослан своими опекунами обратно в Итон.

После Вирджинии шли двое братьев-близнецов, которых прозвали «звездно-полосатыми»,³ поскольку их без конца пороли, – очень славные мальчишки, к тому же единственные в семье убежденные республиканцы, если, конечно, не считать самого посланника.

От Кентервильского замка до ближайшей железнодорожной станции в Аскоте было целых семь миль, но мистер Оутис заблаговременно телеграфировал, чтобы им выслали экипаж, и семья двинулась к замку в отличнейшем расположении духа. Стоял прекрасный июльский вечер, и воздух был напоен теплым ароматом соснового бора. Время от времени до них доносилось нежное воркование лесной горлицы, упивавшейся своим собственным голосом; в шелестящих зарослях папоротника то и дело мелькала пестрая грудь фазана. С высоких буков на них поглядывали белки, казавшиеся снизу совсем крошечными, а притаившиеся в низкой поросли кролики, завидев их, удирали по мшистым кочкам, подергивая своими короткими белыми хвостиками.

Но как только они выехали на аллею, ведущую к Кентервильскому замку, небо вдруг заволокло тучами и воздух сковала странная тишина. Над головой у них бесшумно пролетела огромная стая грачей, и, когда они подъезжали к дому, большими, редкими каплями начал накрапывать дождь.

На ступеньках их поджидала опрятная старушка в черном шелковом платье, белом чепце и переднике. Это была миссис Амни, домоправительница, которую миссис Оутис, по настоятельной просьбе леди Кентервиль, оставила в прежней должности. Она сделала глубокий реверанс перед каждым из членов семьи и церемонно, по-старинному произнося слова, промолвила:

– Милости просим в Кентервильский замок!

Они вошли вслед за нею в дом и, миновав величественный холл в стиле тюдор, очутились в библиотеке – длинной и низкой комнате, обшитой черным дубом, с большим витражом напротив двери. Здесь уже все было приготовлено к чаю. Сбросив с себя плащи и шали, они уселись за стол и, пока миссис Амни разливала чай, принялись осматриваться вокруг.

Вдруг миссис Оутис заметила на полу возле камина потемневшее от времени красное пятно и, не в состоянии себе объяснить, откуда оно могло появиться, спросила у миссис Амни:

¹ Ньюпорт – в прошлом модный курорт в штате Род-Айленд.

² Котильон – сложный фигурный танец для нескольких пар, из которых первая пара – ведущая.

³ «Звездно-полосатый» – название государственного флага США.

– Наверное, там было что-то пролито?

– Да, мадам, – ответила старая экономка приглушенным голосом, – на этом месте была пролита кровь.

– Какой ужас! – воскликнула миссис Оутис. – Мне вовсе не нужно, чтобы в моей гостиной были пятна крови. Пятно нужно сейчас же убрать!

Старушка улыбнулась и ответила все тем же таинственным полупшепотом:

– Вы видите кровь леди Элеоноры де Кентервиль, убитой на этом самом месте в тысяча пятьсот семьдесят пятом году супругом своим сэром Саймоном де Кентервилем. Сэр Саймон пережил ее на девять лет, а потом внезапно исчез при весьма загадочных обстоятельствах. Тело его так и не нашли, но грешный дух его и доныне бродит по замку. Туристы и прочие посетители замка с неизменным восхищением осматривают это пятно, и смыть его никак невозможно.

– Ерунда! – уверенно произнес Вашингтон Оутис. – «Образцовый пятновыводитель и очиститель» фирмы «Пинкертон» удалит его в два счета.

И не успела испуганная экономка ему помешать, как он, опустившись на колени, принялся тереть пол маленьким круглым брусом, похожим на губную помаду, но только черного цвета. Не прошло и минуты, как от пятна и следа не осталось.

– «Пинкертон» никогда не подведет! – с торжествующим видом воскликнул юноша, обернувшись к восхищенному семейству.

Но едва он произнес эти слова, как ужасающая вспышка молнии озарила полутемную комнату, и последовавший за ней оглушительный раскат грома заставил всех вскочить на ноги, а миссис Амни лишилась чувств.

– Какой здесь отвратительный климат, – с невозмутимым видом проговорил американский посланник, закуривая сигару. – Добрая старая Англия до того перенаселена, что даже приличной погоды на всех не хватает. Я всегда придерживался мнения, что эмиграция – единственное спасение для Британии.

– Дорогой Хайрем, – сказала миссис Оутис, – а что мы будем с ней делать, если она чуть что примется падать в обморок?

– Удерживай у нее из жалованья, как за битье посуды, – ответил посланник, – и вскоре она избавится от этой привычки.

И правда, через две-три секунды миссис Амни очнулась. Впрочем, у нее был явно обиженный вид, и она, упрямо поджав губы, заявила мистеру Оутису, что в этот дом скоро придет беда.

– Сэр, – сказала она, – мне доводилось здесь видеть такое, от чего у всякого христианина волосы могли бы встать дыбом, и те ужасные вещи, которые здесь происходят, не давали мне сомкнуть глаза многие и многие ночи.

Но мистер Оутис и его супруга заверили почтенную особу, что они не боятся привидений, и старая домоправительница, призвав благословенье Божье на своих новых хозяев, а также намекнув, что неплохо было бы прибавить ей жалованье, нетвердыми шагами удалилась в свою комнату.

Глава вторая

Всю ночь бушевала буря, но в остальных отношениях ничего из ряда вон выходящего не произошло. Однако, когда на следующее утро Оутисы спустились к завтраку, они снова увидели на полу кровавое пятно.

– В «образцовом очистителе» сомневаться не приходится, – проговорил Вашингтон. – На чем только я его не перепробовал – и он ни разу меня не подвел. Видно, это и в самом деле проделки привидения.

И он еще раз вывел пятно, но наутро оно снова появилось на прежнем месте. Оно было там и на третье утро, хотя накануне вечером мистер Оутис, прежде чем уйти спать, лично запер библиотеку и забрал с собой ключ. Теперь проблема привидений стала интересовать всю семью. Мистер Оутис начинал уже подумывать, не слишком ли он был категоричен, отрицая существование духов; миссис Оутис высказала намерение вступить в Парапсихологическое общество, а Вашингтон сочинил длинное письмо господам Майерсу и Подмору⁴ касательно долговечности кровавых пятен, связанных с преступлениями.

Если у кого-то из обитателей замка и оставались сомнения в реальности призраков, в ту памятную ночь они рассеялись окончательно. День был жаркий и солнечный, и с наступлением вечерней прохлады все семейство отправилось на прогулку. Домой они вернулись лишь к девяти часам и сразу же сели за легкий ужин. О привидениях даже речи не заходило, так что присутствующие вовсе не были в том состоянии повышенной восприимчивости, которое часто предшествует материализации духов. Говорили, как потом мне рассказывал мистер Оутис, о том, о чем обычно говорят просвещенные американцы из высших слоев общества: о бесспорном превосходстве американской актрисы мисс Фанни Давенпорт над французской актрисой Сарой Бернар; о том, что даже в лучших английских домах не подают молодую кукурузу, гречневые лепешки и мамалыгу; об исключительном значении Бостона для духовного развития всего человечества; о преимуществах недавно введенной системы багажных квитанций при оформлении провоза багажа по железной дороге; о благозвучности нью-йоркского произношения по сравнению с протяжным лондонским выговором. Словом, ни о чем сверхъестественном речь не заходила и сэр Саймон де Кентервиль никоим образом не упоминался. В одиннадцать вечера семейство ушло на отдых, и через полчаса в доме были погашены все огни.

Некоторое время спустя мистер Оутис проснулся от странных звуков в коридоре у него за дверью. Ему почудилось, что он слышит – и с каждым мгновением все отчетливее – лязганье металла. Он встал, чиркнул спичкой и взглянул на часы. Они показывали ровно час ночи. Мистер Оутис, не теряя самообладания, пощупал свой пульс, и он оказался, как всегда, ровным и ритмичным. Но загадочные звуки не умолкали – более того, мистер Оутис явственно услышал звук шагов. Он сунул ноги в комнатные туфли, достал из дорожного несессера продолговатый флакон в упаковке и открыл дверь. Прямо перед собой он увидел в призрачном свете луны старика ужасающего вида. Глаза его горели, как раскаленные угли, седые длинные волосы космами ниспадали на плечи, грязное платье старинного покроя все было в лохмотьях, с его рук и ног, закованных в кандалы, свисали тяжелые ржавые цепи.

– Сэр, – обратился к нему мистер Оутис, – я вынужден самым настоятельным образом просить вас впредь смазывать ваши цепи, и с этой целью захватил для вас пузырек машинного масла «Восходящее солнце демократии», известного своим эффективным действием после первого же употребления. На упаковке помещены положительные отзывы наших виднейших священнослужителей, подтверждающие исключительные достоинства этого средства. Я остав-

⁴ Английские ученые Ф. Майерс (1843–1901) и Э. Подмор (1856–1910) способствовали созданию Общества парапсихологических исследований и в соавторстве написали книгу «Духи живых людей» (1886).

ляю пузырек здесь, на столике возле канделябра, и буду рад снабжать вас новыми порциями масла по мере необходимости.

С этими словами посланник Соединенных Штатов поставил флакон на мраморный столик и, закрыв за собой дверь, улегся в постель.

Кентервильское привидение так и застыло от возмущения. Затем, яростно швырнув флакон на паркет, оно ринулось по коридору, испуская зловещее зеленое сияние и глухо стелая. Но едва оно взобралось по широкой дубовой лестнице наверх, как из распахнувшейся двери выскочили две маленькие фигуры в белом, и огромная подушка просвистела у него над головой. В такой ситуации нельзя было терять ни минуты, и дух, прибегнув к четвертому пространственному измерению, поспешно ретировался, исчезнув через деревянную стенную панель, после чего в доме воцарилась тишина.

Добравшись до потайной каморки в левом крыле замка, призрак прислонился к лунному лучу и, немного отдышавшись, попытался осмыслить сложившееся положение. Ни разу за всю свою безупречную трехсотлетнюю службу в качестве привидения он не подвергался таким неслыханным оскорблениям. Ему вспомнилось в эту минуту многое: и то, как он насмерть перепугал вдовствующую герцогиню, когда она стояла перед зеркалом, вся в кружевах и бриллиантах; и то, как с четырьмя горничными началась истерика, стоило ему только им улыбнуться из-за портьеры в спальне для гостей; и то, как он задул свечу в руке приходского священника, когда тот поздно ночью выходил из библиотеки, отчего с беднягой случился нервный припадок, и он до сих пор вынужден лечиться у сэра Уильяма Галла;⁵ и то, как старая мадам де Тремуайак, проснувшись как-то на рассвете и увидев, что в кресле у камина сидит скелет и читает ее дневник, слегла на шесть недель с воспалением мозга, а выздоровев, примирилась с церковью и решительно порвала все отношения с известным скептиком мсье де Вольтером. Он вспомнил также ту страшную ночь, когда злокозненного лорда Кентервиля нашли в гардеробной задыхающимся с бубновым валетом в горле. Умирая, старик признался, что с помощью этой карты он, жульничая, обыграл Чарлза Джеймса Фокса в Крокфордзе⁶ на целых пятьдесят тысяч фунтов, и Кентервильское привидение, как он клятвенно уверял, заставило его проглотить меченую карту.

Он вспомнил каждого, кто был жертвой его великих деяний, начиная с дворецкого, который застрелился, увидев, как в окно буфетной стучится чья-то зеленая рука, и заканчивая прекрасной леди Статфилд, которая вынуждена была постоянно носить черную бархатку вокруг шеи, чтобы скрыть отпечатки пяти пальцев на своей белоснежной коже, и в конце концов утопилась в сазановом пруду в конце Королевской аллеи. Испытывая чувство самоупоения, столь хорошо знакомое каждому истинному художнику, он перебирал в уме лучшие сыгранные им роли, и губы его скривились в торжествующей усмешке, когда он вспомнил последнее свое выступление в качестве «Рыжего Рубена, или Задушенного Младенца», а также свой дебют в роли «Тощего Гибсона, кровопийцы с Бекслейского болота». Ему вспомнилось, как одним тихим июньским вечером он произвел настоящий фурор, когда сыграл на площадке для тенниса партию в кегли, используя для этого кости своего скелета, хотя лично он ничего особенного в этом не видел.

И вот после всего этого в замок являются какие-то невежественные американцы, считающие себя ужасно современными, и навязывают ему машинное масло с дурацким названием «Восходящее солнце демократии» да еще швыряют в него подушками! Это просто невыносимо! История не знает примеров такого обращения с привидениями. И в нем созрело решение отомстить.

Когда наступил рассвет, он все еще пребывал в состоянии глубокого раздумья.

⁵ Уильям Уайти Галл (1816–1890) – известный английский невропатолог.

⁶ Крокфордз – игровой дом в Лондоне.

Глава третья

На следующее утро, за завтраком, Оутисы говорили главным образом о привидении. Посланник Соединенных Штатов, естественно, был в некоторой мере задет тем, что его подарок отвергли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.